

RU

Пенитенциарная система Советской России в 1918-1922 гг.: теория и практика (на материалах Тамбовской губернии)

Вязинкин А. Ю., Кожухов Н. А.

Аннотация. Цель исследования состоит в оценке совместимости теоретического и практического аспектов пенитенциарной политики в Советской России в 1918-1922 гг. на материалах Тамбовской губернии. В статье проанализировано становление и развитие исправительно-трудовой системы советской власти в 1920-е гг. в Тамбовской губернии в сопоставлении с теоретическими изысканиями в юридической периодике. Научная новизна исследования заключается в историко-сравнительном анализе правовых идей и юридической практики в области пенитенциарной политики в Советской России указанного периода, в ходе которых установлены основные направления развития исправительно-трудовой системы советской России. В результате исследования показано, что, несмотря на идеологический отказ от дореволюционного опыта, в практике советской исправительно-трудовой политики сохранялись преемственность и проблемы, что подчеркивало необходимость ликвидации правовой безграмотности и важность обсуждения этих вопросов для построения эффективной пенитенциарной системы.

EN

The penitentiary system of Soviet Russia in 1918-1922: theory and practice (based on materials from the Tambov Province)

A. Y. Viazinkin, N. A. Kozhuhov

Abstract. The research aims to assess the compatibility of the theoretical and practical aspects of penitentiary policy in Soviet Russia between 1918 and 1922, using the Tambov Province as a case study. The article analyzes the formation and development of the Soviet correctional-labor system during the 1920s in the Tambov Province in comparison with the theoretical research published in legal periodicals of that time. The scientific novelty of the study lies in a historical-comparative analysis of legal ideas and judicial practice in the field of Soviet penitentiary policy during the specified period, identifying the primary directions in the development of the correctional-labor system. The results of the study demonstrate that despite an ideological rejection of pre-revolutionary experience, Soviet correctional-labor policy in practice maintained a degree of continuity and faced persistent problems. This underscores the necessity of eliminating legal illiteracy and the importance of professional discourse on these issues for the construction of an effective penitentiary system.

Введение

Актуальной проблемой является установление единообразия в изучении исправительно-трудовой системы Советской России на этапе становления советской власти. За период 1918-1922 гг. в ходе реализации пенитенциарной политики в Тамбовской губернии был осуществлен переход от использования мест заключения в карательных целях к исправительным мерам воздействия на преступника. В связи с этим важной исследовательской проблемой становятся теоретическое обоснование и практическая реализация исправительно-трудовых задач в рамках существующего законодательства с учетом региональной специфики к 1922 г.

В соответствии с заявленной целью, были сформулированы следующие задачи:

- рассмотрение нововведений в пенитенциарной системе Советской России в 1918-1922 гг.;
- изучение теоретического обоснования создания новых органов исправительно-трудовой системы в Тамбовской губернии;
- анализ практического развития исправительно-трудовых учреждений на примере Тамбовской губернии в 1918-1922 гг.

В ходе исследования применяются системный и сравнительно-исторический методы. Системный метод позволяет рассмотреть пенитенциарную систему Советской России как отдельно взятый институт государственной политики. В рамках применения сравнительно-исторического метода изучены этапы становления и трансформации исправительно-трудовой политики Советской России в 1920-е гг. Специфика работы предполагает сопряжение подходов социальной истории и истории идей, что создает предпосылку для успешной реализации междисциплинарного анализа проблемы.

Что касается степени научной разработанности проблемы, то следует отметить, что процесс становления советского исправительно-трудового права происходил в условиях бурного развития законодательных инициатив и их теоретического обоснования. М. О. Окунева (2016) установила влияние социологической школы права на законодательство первых лет советской власти. По мнению И. И. Бомбергера (2009), для советской пенитенциарной системы начального периода «Новой экономической политики» характерен переход от чрезвычайных мер к стройной исправительно-трудовой системе. Ю. А. Реент и А. В. Жигалев (2009) также указали, что после окончания Гражданской войны был осуществлен переход от наказания к мерам социальной защиты, в ходе которых на преступника необходимо оказывать воспитательное воздействие. М. А. Погорелов (2022) выделил основные положения реформы советской пенитенциарной системы в 1918-1930 гг.: индивидуализированный подход, деление заключенных на типы и разряды, принцип исправления, предполагающий образование и трудовую квалификацию осужденных, социальную и материальную поддержку после освобождения. Обоснование формирования исправительно-трудовой политики в СССР нашло отражение на страницах юридических изданий. По мнению Т. Ф. Ящук (1999), политическая ситуация 1920-х гг. допускала плюрализм научных исследований, публицистической деятельности либо в направлениях, не требовавших четкой классовой оценки, либо в рамках формального признания марксистского метода. Н. В. Кроткова (2018), проанализировав юридические журналы 1920-х гг., установила, что анализ данного вида источника позволяет глубже понять реализацию основных положений политики Советской власти.

Теоретическую базу исследования составили работы российских и советских теоретиков и историков права, которые оказывали влияние на зарождение раннесоветской правовой системы в т. ч. посредством ее сравнительного анализа с дореволюционной теорией пенитенциарной системы (Гернет, 1961; Мокринский, 1927; Познышев, 1923).

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы и выводы работы могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов, учебных пособий и специальных курсов.

Обсуждение и результаты

Пенитенциарная система после октябрьского переворота 1917 г. подверглась коренным переменам. Построение новой исправительно-трудовой системы базировалось на критике дореволюционной тюрьмы и каторги, через которые проходили многие участники революционного движения. Принципы новой исправительно-трудовой политики были изложены в Программе РКП (б), принятой на VIII съезде партии: основная мера наказания – общественное порицание, тюремное заключение заменялось обязательным трудом с сохранением свободы, а вместо тюрем были созданы воспитательные учреждения (Ленин, 1969, с. 431). Параллельно на страницах юридических печатных изданий публиковались статьи по различным вопросам уголовного права, классификации преступлений, новых возможностей и подходов к исправлению преступников, а также создания нового Уголовного кодекса (Козловский, 1918, с. 22; Курский, 1919, с. 25). Наиболее известная дискуссия в вопросе исправления преступника развернулась между начальником Карательного отдела Народного комиссариата юстиции Л. В. Саврасовым и юристом Я. Н. Берманом на страницах «Пролетарской революции и права» (Пролетарская революция..., 1919). Тем не менее продолжавшаяся Гражданская война в России была серьезным препятствием на пути строительства новой пенитенциарной системы.

Результатом теоретических разработок и дискуссий в среде советских правоведов стало введение Уголовного кодекса РСФСР в 1922 г., который включил в себя законодательные инициативы 1918-1922 гг. Среди прочих мер воздействия на преступника (изгнание из пределов РСФСР, штраф, принудительные работы и т. д.) лишение свободы сроком от 6 месяцев до 10 лет занимало важное место в выработанной системе наказаний. Реализация заключения осуществлялась в исправительно-трудовых домах, трудовых сельскохозяйственных и ремесленных колониях, переходных исправительных домах со строгой изоляцией или без таковой. Уголовный кодекс продолжил линию перевоспитания посредством обязательного труда, который, по возможности, должен был согласовываться со способностями или склонностями самого заключенного (О введение в действие..., 1922). Таким образом, Уголовный кодекс 1922 г. включил в себя основные достижения социологической школы права.

Параллельно с введением Уголовного кодекса к концу 1922 г. был разрешен ведомственный конфликт между карательными органами НКЮ, Народным комиссариатом внутренних дел и Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем за распределение осужденных по местам заключения, актуальный в период войны. После упразднения концлагерей оставшиеся места лишения свободы совместным постановлением НКЮ и НКВД от 12 октября 1922 г. были переданы в ведение НКВД. Для установления единства в управлении местами заключения Центральный исправительно-трудовой отдел при НКЮ был реорганизован в Главное управления местами заключения при НКВД (Постановление Наркомюста..., 1922).

В Тамбовской губернии реорганизация мест заключения началась с ликвидации концентрационно-трудовых лагерей, которые получили широкое распространение в годы крестьянского восстания 1920-1921 гг. (ГАТО, ф. Р-394, оп. 1, д. 795, л. 1). К 1923 г. за губернским управлением мест заключения числились губернский дом заключения (бывшая губернская тюрьма), исправительно-трудовой дом, Сухотинская сельскохозяйственная колония заключенных, Борисоглебская сельскохозяйственная колония заключенных, Моршанский исправительно-трудовой дом и Козловский дом заключения (Вся Тамбовская губерния..., 1923, с. 93). Таким образом, перечень мест заключения Тамбовской губернии в 1923 г. полностью соответствовал положениям Уголовного кодекса.

Распространение нового советского права нашло отражение в издании на местах юридической периодики. Незадолго до принятия Уголовного кодекса в апреле 1922 г. Тамбовским губернским отделом юстиции начал издаваться двухнедельный журнал «Вестник пролетарского права и юридических норм» под редакцией заведующего судебно-следственным подотделом А. Н. Живописцева. На страницах двухнедельника публиковались юридические статьи, деятельность дискуссионного клуба, хроника работы местных органов юстиции, трибунала, судов и уездных бюро милиции, а также законодательные акты. Обоснование издания данного журнала нашло отражение во вступительной статье А. Н. Живописцева (1922), который указал, что судебные работники уездных органов лишены возможности регулярно следить за бурно развивающимся советским законодательством. Поэтому настоящими целями издательства были «живая связь с судебными работниками, ознакомление с достижениями советского права, популяризация советских юридических знаний и ликвидация правовой безграмотности» (Живописцев, 1922, с. 1). В первых статьях местные юристы признавали действие репрессивных мер в период Гражданской войны в отношении классовых врагов. Автор А. Алифанов в статье «Законность, ее органы и проводники на местах» указал, что в период революционной борьбы вопросы права играли второстепенную роль, уступая чрезвычайным мерам (Алифанов, 1922а, с. 7). В качестве мер чрезвычайщины на Тамбовской земле в 1919-1922 гг. функционировали концлагеря: только за период весны-лета 1921 г. было создано 7 концлагерей, направленных на подавление крестьянского движения посредством изоляции (ГАТО, ф. Р-394, оп. 1, д. 700, л. 34 об.).

Основные положения советской исправительно-трудовой политики охарактеризовал А. Курносов с присущей советским юристам критикой дореволюционной тюрьмы, которая «как способ заточения преступника потеряла свое значение» (1922, с. 11). Автор указал, что создание Народным комиссариатом юстиции исправительно-трудовых домов с организацией в них мастерских и внешних работ являются истинным направлением в исправлении преступника (Курносов, 1922, с. 11). Однако указанный подход к исправлению заключенных не являлся новаторским и применялся в дореволюционной России. Обязательный арестантский труд был введен законом от 6 января 1886 г. «О занятии арестантов работами и о распределении получаемых от сего доходов» (О занятии арестантов..., 1886).

В начале XX в. труд заключенных Тамбовских тюрем подразделялся на внешние работы (по найму у частных лиц за пределами тюрьмы), внутренние (в мастерских) и по тюремному хозяйству. Аналогично труд заключенных был организован в 1923 г. в Губернском доме заключения (далее – ГДЗ). Причем наибольшую часть времени контингент царской тюрьмы и советского ГДЗ занимался самообеспечением, т. е. стиркой белья, приготовлением пищи. И если в царских тюрьмах такая занятость объяснялась хроническим дефицитом средств, то в советский период был введен принцип самокупаемости, что только отягощало положение осужденного (Сборник действующих циркуляров..., 1921, с. 4).

Новаторством в сфере наказания советской России явились сельскохозяйственные колонии как одна из форм использования труда осужденных. Идея создания таких пенитенциарных учреждений обсуждалась в начале XX в., и в 1909 г. проект «Об учреждении сельскохозяйственной тюрьмы» (Об учреждении..., 1909) был вынесен на рассмотрение III Государственной думы, но претворен в жизнь не был. Предусматривалось, что государство должно было выделить земли для организации колоний, в которые направлялись бы осужденные к лишению свободы. В самой колонии должна была действовать разрядная система: перевод арестанта из одного разряда в другой зависел от соблюдения режима наказания. Данные положения фактически были использованы и дополнены в циркуляре НКЮ от 28 ноября 1918 г. «Об организации сельскохозяйственных колоний для лишенных свободы» (Сборник действующих циркуляров..., 1921, с. 40). К 1922 г. на территории РСФСР были созданы 32 колонии (Пенитенциарное дело..., 1923, с. 7), в числе которых – Сухотинско-Знаменская колония, вторая колония «Арженка», а также ферма «Сатинская» Тамбовской губернии. Автор А. Алифанов (1922b) в следующей своей статье подвел основные итоги трехлетнего существования колоний, указав, что именно данный тип учреждений в перспективе должен сменить дореволюционные тюрьмы. Он довольно высоко оценил проводимую работу НКЮ по организации колоний, увеличению площадей для ведения сельскохозяйственной деятельности заключенными, но также отметил невозможность реализации исправительно-трудовой политики в условиях борьбы с повстанческим движением в 1920-1921 гг. (Алифанов, 1922b, с. 10). Приведенная им статистика по трем колониям Тамбовской губернии продемонстрировала, что от общего числа заключенных на внешние работы отпускалось не более 5% из образцовых разрядов.

Перспективы дальнейшего развития сельскохозяйственных колоний Алифанов находит в коллективном ведении сельского хозяйства в условиях исправительного воздействия трудовой деятельности. Несмотря на все трудности реализации исправительно-трудовой политики, он усмотрел ее положительные отличия от заключения в тюрьме психическим состоянием контингента колоний: «...заключенный, попадая в колонию, физически крепнет, здоровеет... проявляет усердие в коллективном труде, что влечет за собой и нормализацию

отношений между арестантами и администрацией» (Алифанов, 1922b, с. 12). Результаты учебно-воспитательной и культурно-просветительской деятельности в колониях продемонстрировали постепенное признание советской власти. Алифанов привел в качестве примера участие заключенных Сухотинской колонии в обороне Тамбова от казачьего рейда генерала Мамантова в 1919 г. А в октябре 1920 г. во время набега «антоновцев» на эту же колонию заключенные организовали оборону. Данный эпизод был рассмотрен на заседании Президиума губисполкома 7 октября 1920 г., когда с докладом о поведении заключенных выступил завгубюстом Ф. К. Траскович. По результатам доклада Президиум постановил амнистировать 43 осужденных: последовали полные освобождения, сокращения сроков заключения, а также денежные вознаграждения, в том числе и администрации колонии (ГАСПИТО, ф. 840, оп. 1, д. 510, л. 107). В заключении Алифанов подвел итоги деятельности НКЮ по созданию колоний, оценив их создание «как наиболее целесообразное средство наказания» (Алифанов, 1922b, с. 14).

Нововведением в советском исправительно-трудовом праве также следует считать распределительные комиссии, которые впервые упоминались в Постановлении Карательного отдела НКЮ от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы как о мере наказания и о порядке отбывания такового (временная инструкция)» (Собрание узаконений..., 1942). Их функционал сводился к распределению заключенных по разрядам в местах лишения свободы и определению характера исправительных работ. В состав комиссий входили заведующий местным Карательным отделом или его заместитель, заведующий местами лишения свободы и сведущих лиц по приглашению и определению местного Карательного отдела. Постепенно полномочия комиссий были расширены утверждением в 1920 г. Положения «Об общих местах заключения РСФСР» (Собрание узаконений..., 1944, с. 209), а циркулярное распоряжение Центрального исправительно-трудового отдела № 32 от 27 июля 1921 г. разрешало комиссиям без санкций судебных органов освобождать из-под стражи заключенных, которые отбыли 2/3 срока наказания, с переводом на принудительные работы (Егоров, 1922, с. 16-17). На основании указанных законодательных актов И. Егоров (1922, с. 13-14) определил ключевые функции распределительных комиссий следующим образом: предоставление досрочного освобождения и отпусков на родину; перевод заключенных в другие губернии, командирование на работу за пределами места лишения свободы и дисциплинарное взыскание за нарушение режима.

В своей статье И. Егоров (1922) осветил деятельность Тамбовской распределительной комиссии, которая за период январь – март 1922 г. провела девять заседаний. При рассмотрении представлений к условно-досрочному освобождению Тамбовская комиссия учитывала род совершенного преступления, срок наказания и время нахождения под стражей, а также результат перевоспитания. За указанный период комиссия рассмотрела 569 ходатайств об условно-досрочном освобождении, из которых 413 было удовлетворено. При этом автор оговаривается, что на такое количество освобождений повлияла и перегруженность мест лишения свободы, поэтому не во всех случаях были изучены индивидуальные качества преступника (Егоров, 1922). Тамбовская комиссия также удовлетворила 26 условно-досрочных освобождений по циркуляру № 32, командировала на работы вне места заключения 148 осужденных, а также 76 заключенных было переведено в другие места лишения свободы (Егоров, 1922, с. 17).

Таким образом, распределительная комиссия на правах широких полномочий учитывала не только особенности исправления заключенного, род преступления и отбытый срок наказания при удовлетворении условно-досрочного освобождения. На ее работу оказывала влияние и хроническая переполненность мест заключений, и в этом случае индивидуальные черты преступника в контексте криминологии отходили на второй план.

Заключение

Важной задачей советского уголовного права наряду с его формированием стало повсеместное распространение новых положений на местах. Бурное развитие исправительно-трудовой политики в 1918-1922 гг., которое включало в себя теоретическое обоснование новых подходов к исправлению преступника, создание пенитенциарных учреждений нового типа, требовало четкого соблюдения для применения на практике законодательных инициатив, в связи с чем и возникла необходимость ликвидации правовой безграмотности и популяризации юридических знаний.

На страницах «Вестника пролетарского права и юридических норм» тамбовские юристы с присущей идеологической окраской критиковали царскую пенитенциарную политику и отказывались от любых достижений дореволюционного права. Однако при рассмотрении практической реализации советской исправительно-трудовой политики была очевидна не только преемственность в законодательных инициативах, но и сохранение проблем от дореволюционной системы: переполненность мест лишения свободы стала существенной проблемой на пути реализации основных принципов советской исправительно-трудовой системы по аналогии с дореволюционной тюрьмой. Тем не менее освещение данных проблем местными юристами явилось важным шагом на пути построения новой пенитенциарной системы.

Анализ теоретического обоснования и практического применения новых подходов к наказанию позволил выявить эволюционное продолжение развития пенитенциарной системы в раннесоветский период. Сохранение лишения свободы с более широкой реализацией использования труда осужденных и культурно-просветительская деятельность, основанная на марксистско-ленинской идеологии, сменившей церковное назидание, стали логическим продолжением исправительного воздействия на заключенных в постимперский период.

Дальнейшие перспективы исследования усматриваются в расширении хронологического диапазона и географии сопоставления правовой теории и юридической практики в области пенитенциарной политики советской власти.

Материалы исследования | Research materials

1. Вся Тамбовская губерния: справочная книга на 1923 года / сост. П. Грызловым и М. Хруновым. Тамбов: Пролетарский светоч, 1923.
2. ГАСПИТО – Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области. Ф. 840. Оп. 1. Д. 510.
3. ГАТО – Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 700.
4. ГАТО – Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 795.
5. Постановление Наркомюста и Наркомвнудела. О передаче всех мест заключения в ведение Наркомвнудел // Еженедельник советской юстиции, 13-20 октября 1922 г. № 37-38.
6. Об учреждении сельскохозяйственной тюрьмы. 22 марта 1909 г. // Государственная дума. Созыв 3-й. Сессия 2-я. Приложения к стенографическим отчетам. СПб., 1909. Т. 3. № 651.
7. О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР. (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР.»): Постановление ВЦИК от 01.06.1922.
8. О занятии арестантов работами и распределении получаемых от сего доходов: Закон Российской империи от 6 января 1886 г. // Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1886. № 24.
9. Пенитенциарное дело в 1922 году. Отчет Народного Комиссариата Внутренних Дел по Главному Управлению Местами Заключения X-му Съезду Советов. М., 1923.
10. Сборник действующих циркуляров Центрального Карательного Отдела НКЮ за 1917-1920 гг.: с приложением предметного указателя / РСФСР. М.: Издание Центрального Карательного Отдела, 1921.
11. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944.
12. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917-1918 гг. М., 1942.

Источники | References

1. Алифанов А. Законность, ее органы и проводники на местах // Вестник пролетарского права и юридических норм: двухнедельник Тамбовского губернского отдела юстиции / отв. ред. А. Н. Живописцев. Тамбов: Гостипография № 2. 1922а. 1 апреля. № 1.
2. Алифанов А. Сельскохозяйственные колонии как институт трудового перевоспитания осужденных // Вестник пролетарского права и юридических норм: двухнедельник Тамбовского губернского отдела юстиции / отв. ред. А. Н. Живописцев. Тамбов: Гостипография № 2. 1922б. 15 апреля. № 1.
3. Бомбергер И. И. Советская пенитенциарная система в годы новой экономической политики 1921-1928 гг.: дисс. ... к. ист. н. М., 2009.
4. Гернет М. Н. История царской тюрьмы: в 5 т. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961. Т. 3: 1870-1900.
5. Егоров И. Распределительная комиссия, ее цели, задача и достижения // Вестник пролетарского права и юридических норм: двухнедельник Тамбовского губернского отдела юстиции / отв. ред. А. Н. Живописцев. Тамбов: Гостипография № 2. 1922. № 3-4.
6. Живописцев А. Н. Цели и задачи журнала // Вестник пролетарского права и юридических норм: двухнедельник Тамбовского губернского отдела юстиции / отв. ред. А. Н. Живописцев. Тамбов: Гостипография № 2. 1922. 1 апреля. № 1.
7. Козловский М. Ю. Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1.
8. Кроткова Н. В. Отражение становления советского права и государственного аппарата в юридических журналах первых десятилетий советской власти // Право и государство: теория и практика. 2018. № 2 (158).
9. Курносов А. Методы и достижения советской исправительно-трудовой политики РСФСР // Вестник пролетарского права и юридических норм: двухнедельник Тамбовского губернского отдела юстиции / отв. ред. А. Н. Живописцев. Тамбов: Гостипография № 2. 1922. 1 апреля. № 1.
10. Курский Д. И. Новое уголовное право // Пролетарская революция и право. 1919. № 2-4.
11. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 56 т. М.: Изд-во политической литературы, 1969. Т. 38. Март-июнь 1919.
12. Мокринский С. П. Принудительные работы без содержания под стражей в советском праве // Проблемы преступности: сборник. М. – Л.: Государственное издательство, 1927. Вып. 2.
13. Окунева М. О. Влияние социологической школы на кодификацию советского уголовного законодательства в период с 1917 по 1922 г. // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2016. № 4.
14. Погорелов М. А. Реформирование пенитенциарной системы в РСФСР в 1918-1930: дисс. ... к. ист. н. М., 2022.
15. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М.: Мосполиграф, 1923.

16. Пролетарская революция и право: издание Народного комиссариата юстиции. М., 1918-1921. 1919, № 2/4 (12/14) (февр.-апр.). 1919.
17. Реент Ю. А., Жигалев А. В. Становление исправительно-трудовой системы Советской России в 20-е годы XX века // Человек: преступление и наказание. 2009. № 2 (65).
18. Ящук Т. Ф. Юридические журналы 1920-х годов как источник по истории советского правоведения // Вестник Омского университета. 1999. Вып. 1.

Информация об авторах | Author information

RU**Вязинкин Алексей Юрьевич**¹, к. филос. н., доц.**Кожухов Никита Алексеевич**², к. ист. н.^{1, 2} Тамбовский государственный технический университет**EN****Aleksei Yurievich Viazinkin**¹, PhD**Nikita Alekseevich Kozhuhov**², PhD^{1, 2} Tambov State Technical University¹ vyazinkin@yandex.ru, ² nick-747@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.04.2026; опубликовано online (published online): 04.05.2026.

Ключевые слова (keywords): пенитенциарная система; юридическая периодика; социальная история; Тамбовская губерния; Советская Россия; penitentiary system; legal periodicals; social history; Tambov Province; Soviet Russia.